

НОВАЯ ГАЗЕТА

ИНТЕРВЬЮ • КУЛЬТУРА

Повсюду вроде бы свой

Кинокуратор Кира Адibеков рассказывает о своем пути между культурами и о создании первого Фестиваля армянского кино в Лондоне

Кира Адibеков. Фото: Игорь Верещагин

14:02, 1 декабря 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Год назад в Лондоне состоялся первый в истории Великобритании Фестиваль армянского кино. В программу вошли показы современных документальных и игровых фильмов, а также сессии вопросов и ответов с авторами. Фестиваль привлек не только зрительское внимание, но и интерес британских СМИ. Площадкой выступил Институт современного искусства (ICA) – одна из ведущих мультидисциплинарных культурных институций Лондона.

В отличие от Франции, России или США, где армянское кино давно имеет заметное представительство, в Англии до сих пор не существовало устойчивой платформы для его показа. Поэтому запуск этого проекта стал важной вехой не только для армянской диаспоры, но и для самого армянского кинематографа, переживающего сегодня этап активного возрождения. Фестиваль организовали армяно-британская кинематографистка Татевик Айвазян и российский куратор Кира Адилбеков, ранее работавший куратором специальных программ кинотеатра «Пионер» в Москве.

За последние несколько лет Кира тесно связал свою жизнь с Арменией. Он оказался в Ереване во время насильственного исхода армян из Арцаха и нападения на страну, преподавал основы режиссуры детям из разных регионов республики и, изучая язык и культуру своих предков, постепенно стал частью армянского киномира. В преддверии второго сезона фестиваля, который стартует 4 декабря, мы поговорили с ним о том, как формировалась его армяно-татарская идентичность, о профессиональном пути в кино и о том, как родилась идея создать Фестиваль армянского кино в Лондоне.

— Давай вспомним, с чего начался твой кинематографический путь?

— Мне кажется, все началось с журнала «Ролан», который принадлежал одноименному кинотеатру. Тогда мне было лет семнадцать. Примечательно, что это была армянская сеть кинотеатров, и «Ролан» на Чистых прудах в Москве считался ее флагманом. Я жил неподалеку и начал там писать о кино — рецензии, небольшие тексты, интервью. Кажется, мое первое интервью было с Арменом Бадаляном, программным директором всей сети. Сейчас этот факт приобрел для меня новое значение: после твоего вопроса я понимаю, что именно с этого все и началось.

Мое кинематографическое становление, впрочем, началось еще раньше, когда я был просто зрителем. Во времена VHS я смотрел по три-четыре фильма в день: классику, Пазолини, мастеров разных школ. А уже работая в «Ролане», я впервые соприкоснулся с уходящей эпохой советской кинокритики — с ее представителями, которые вроде бы еще оставались в профессии, но уже жили в каком-то ином измерении. Тогда же я застал и важнейшие события, во многом изменившие движение кинематографического процесса России, — выселение Музея кино.

Следующим важным этапом стала работа в компании «Кино без границ», куда меня пригласил Борис Нелепо. Мне тогда было двадцать. Я редактировал культовый сайт arthouse.ru, а когда его идеолог Антон Мазуров ушел из проекта, мы вместе с Аниной Казаковой последовали за ним — и вскоре запустили синефильский kinote.ru. Позже, когда после смерти Ивана Дыховичного фестиваль 2morrow/Завтра стал меняться, Антон, бывший тогда программным директором, Оля, его вдова, и Ангелина Никонова позвали меня в команду. Я отвечал за обновление программы и тогда впервые познакомился с Наумом Клейманом, который впоследствии оказал мне большую поддержку. Потом была работа куратором в кинотеатре «Пионер» и в фонде В-А-С. Параллельно я занимался режиссурой — снимаю короткометражные, более

артистические фильмы. Для меня важно сохранять баланс между ролями куратора и режиссера: одна сторона подпитывает другую.

— Будучи одним из ведущих кураторов кино России, в какой момент ты решил переехать в Англию?

— В 2018 году случились два параллельных события, с одной стороны, меня пригласили в фонд V-A-C, запускавший культурный центр ГЭС-2. Это была работа в замечательном фонде, у которого были большие планы. Это не просто кинопрограммы, это создание институции физической как ГЭС-2 и его кинозал, создавать все с фундамента. Вдруг параллельно приходит подтверждение от стипендии, на которую я подавал, была возможность выбрать вузы и программы, которые мне интересны. Я хотел поступить на конкретную программу к ведущему специалисту в Англии по творчеству Годара. В итоге одновременно работаешь на полставки в фонде, у которого был офис в Лондоне и площадка в Венеции, учишься на фултайм, делаешь магистерскую диссертацию, частью которой стала экспериментальная программа This Is Not (a) Cinema в Whitechapel Gallery.

Armenian Film Festival London 2024. Foto: ICA

— Как возник армянский контекст в твоей жизни?

— Армянская и татарская линии для меня всегда были своего рода столпами. С татарской частью чуть проще: мама родилась в Казани, там до сих пор живут родственники — бабушка, дедушка, и каждое лето-зиму мы туда ездили. Армянская история сложнее, но и глубже по эмоциональному следу. Родина моей семьи — город Шуши, откуда мои прадеды бежали после резни в начале 1920-х годов. В итоге моя семья осела в Москве. Эта идентичность всегда присутствовала, но у меня никогда не было прямой связи с Арменией как физическим местом. У меня не осталось там родственников: все армяне в нашей семье живут в Центральной России, в основном в Москве. Арцах для нас никогда не был местом, где живут родные, — даже когда он еще был армянским. Все уже уехали после погромов в Баку и начала Первой карабахской войны. Поэтому у меня не было личной связи, только рассказы отца, обрывки воспоминаний и легенды семьи. Настоящий отклик я испытал в 2020 году, когда

услышал в новостях, что пал Шуши.

Тогда я впервые осознал, что этот город — не просто имя из семейных историй, а реальное место, откуда происходит моя семья. А в 2022 году, когда я перестал иметь возможность регулярно возвращаться в Москву, вдруг осознал, что у меня есть вторая родина — Армения.

Это стало для меня большим открытием. Когда я туда приехал, меня сразу очень тепло приняли. Несмотря на то что тогда я почти не знал языка (сейчас продолжаю учить), я сразу почувствовал себя на своем месте. Наверное, последней каплей стало то, что в 2023 году во время последнего эпизода карабахского конфликта — когда началось новое нападение, фактически акт агрессии со стороны Азербайджана и насильственная депортация с Арцаха — я был в Ереване, и это произвело на меня очень сильное впечатление. Наверное, по ощущениям это было похоже на то, как просыпаешься под новости о начале *** в Украине — то же чувство тревоги, растерянности, страха перед будущим. Я как будто заново пережил то же самое — те же эмоции, ту же неуверенность, тревогу, страх. Все смешалось в один клубок. То, что я оказался в Ереване именно в тот момент, очень сильно повлияло на мое желание работать в Армении.

— Отсюда и возникла идея преподавать армянским подросткам кино?

— Первый раз я начал работать со школьниками летом 2024 года при ТУМО. С тех пор я каждый год возвращаюсь в разные

города Армении: преподаю, мы снимаем небольшие документальные фильмы с подростками — примерно от 12 до 17 лет. Это безумно талантливые подростки и молодые люди. Я много работал с детьми — в кинотеатре «Пионер», здесь, в Лондоне — но таких, как в Армении, я еще не встречал. Это активные, думающие ребята, которые поддерживают друг друга, не боятся высказываться. Они работают как команда: сами придумывают идеи, реализуют их. Моя задача — лишь задать рамку и поддержать. Дальше они все делают сами. Мне остается только немного направлять, давать советы. И я вижу: им действительно нужен инструмент самовыражения, медиум, через который можно говорить.

Кира Адibеков на горе Хуступ, Армения. Фото: Мариам Мелконян

— Интегрированы ли дети в местную кинематографию, следят ли за ней?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Они даже не знали название главного кинофестиваля страны «Золотой абрикос», да и в принципе что такое фестиваль как явление. Поэтому мне было особенно интересно организовать поездку для наших ребят из Гюмри на «Абрикос». Мы привезли их на индустриальную панель вместе с молодыми режиссерами из разных стран — из Германии, Армении, Румынии, Грузии, Украины, Франции. Для них это стало сильным впечатлением: впервые они увидели, что такое фестиваль — как люди из разных стран собираются, смотрят обсуждают кино, обмениваются опытом. Не просто лекции, а живое общение. Они поняли, что можно мыслить шире, выходить за пределы привычного круга. Многие из них ведь мыслят локально: «Я занимаюсь музыкой, но дальше что?» — а потом просто не знают, куда идти, потому что нет институций, куда можно поступить. И я говорю им: посмотри, есть школы в Европе, в Азии, ты можешь попробовать. Это кажется для меня очевидным, но для них это новое открытие.

— Переходя к самому Фестивалю армянского кино в Лондоне, когда возникла эта идея?

— Это было в 2023 году, я чувствовал: в стране происходит что-то новое.

После революции, с приходом нового правительства, утратой Арцаха, было ощущение, что Армения вступает в другой период, что вектор ее развития меняется. И вот это чувство — что страна ищет новый путь — оказалось очень созвучным моему внутреннему состоянию.

Мне захотелось применить свои профессиональные навыки, связи, опыт — и что-то сделать на глобальном уровне. Тогда я познакомился с Татевик Айвазян, которая до этого была директором Армянского института. Она продюсер, куратор, потрясающий человек. Мы сразу нашли общий язык, начали обсуждать идею фестиваля — и постепенно все закрутилось.

— **Какая у фестиваля основная концепция и задача?**

— Стратегически — быть мягкой силой армянской культуры и рассказывать людям об армянском контексте в широком понимании через кинематограф. Что касается самой программы, с самого начала мы хотели сконцентрироваться на современном кино, прежде всего документальном. Мы работаем с тем, что рождается здесь и сейчас, с фильмами, в которых есть авторская позиция, личная идея. Нам интересно показывать параллельное кино — то, что выходит за рамки мейнстрима, но при этом связано с армянской тематикой. Иногда эти фильмы снимают вовсе не в Армении и не армяне, и это нормально, потому что армянская культура сегодня живет в разных странах, а ее идентичность складывается из множества голосов.

— **Кто-то вас поддержал?**

— В прошлом году нам невероятно повезло договориться с Институтом современного искусства (ICA): это художественное пространство, где проходят выставки экспериментального искусства, перформансы, концерты и показы кино. Настоящее место силы. Нам удалось провести у них первый фестиваль, и огромную поддержку оказало посольство Армении. Если в прошлом году у нас было три дня, то теперь фестиваль растянулся на четыре. Мы выросли и по количеству фильмов, и по направлению программы. В этом году мы получили важную для нас поддержку от фонда BFI (British Film Institute). Конечно, деньги все еще небольшие, но уже сам факт, что нас

поддержали на национальном уровне, очень многое значит в плане признания нашей работы. Для понимания: это как британский аналог министерства культуры, которое распределяет средства по регионам, включая Лондон.

— Возвращаясь к теме программы, о каких современных фильмах идет речь?

— В прошлом году программа в основном состояла из актуальных картин последних лет, например, документальной картины Шогакат Варданян «1489», которая имела ошеломительный фестивальный успех. Открывали же мы нашу программу показов армяно-американским фильмом «Американец» Майкла Гурджиана. Его выдвигали на «Оскара» от Армении в 2022 году. В этом году у нас, интересно, впервые появится небольшая ретроспективная программа — коллаборация с Музеем Параджанова и The Sweet Hereafter Атома Эгояна. Мы сейчас как раз ведем переговоры с ним и его командой, чтобы в будущем сделать небольшую авторскую ретроспективу: показать несколько его работ, включая недавно отреставрированные. Но, кроме этого, все остальное — новое кино. Фестиваль в этом году открывается фильмом «Месье Азнавур», французской картиной с актерами самого разного происхождения, где присутствует армянская тема, но основная команда — французы. И нам это важно: показывать, как армянская идентичность существует в международном контексте, как она перетекает в другие культуры и обратно.

Armenian Film Festival London 2024. Foto: ICA

— Не было ли опасения, что фестиваль может превратиться в локальное событие «для своих» — своего рода культурное гетто?

— Думаю, здесь все упирается в контекст, в котором существует фестиваль в рамках города как общественного пространства. В частности, лондонский контекст очень влияет. Он особенный — с одной стороны, это город, но с другой — он устроен как множество маленьких сообществ, почти деревень. Я, например, живу на севере — и там есть свое маленько комьюнити. Таких «деревень» в Лондоне десятки. У каждой — свое сообщество, своя среда, свои связи. У нас нет ощущения изоляции или, как ты сказал, «гетто»: вот идет «Палестинская неделя кино», рядом — «Египетская», потом — «Армянская», и все эти инициативы взаимодействуют между собой. Мы, например, недавно делали совместную презентацию с грузинским кинофестивалем, планируем показать армянско-эфиопский док — это очень живая, взаимосвязанная среда.

Тут еще важный фактор играет площадка, которую мы изначально получили под фестиваль. Для нас было критически важно получить площадку именно в этом месте, потому что это не узкая, «этническая» инициатива, а наоборот — очень характерная для Лондона институция. Она открыта к новому, радикальному, авторскому кино, которое не выходит в прокат, но формирует культурный контекст. Нам хотелось подтянуть туда и армянскую тематику, и сам бренд фестиваля — при поддержке наших партнеров в Лос-Анджелесе и Армении через Armenian Film Society — организацию, которая занимается продвижением армянского кино. Мы уже несколько лет входим в общую международную сеть, объединяющую киноинициативы.

С одной стороны, мы вовлекаем диаспору: и молодое поколение, и старших — но при этом выходим за привычные рамки. Традиционно показы армянского кино проходили в Западном Лондоне, чаще при образовательных или религиозных центрах.

А мы специально перенесли фестиваль на новую площадку, в район, где раньше ничего подобного не проводилось. И, знаешь, людям это понравилось. Мы показали, что можно создавать новые ниши для армянского кино, выводя его к другой аудитории.

— После всех этих лет, покинув Россию, работая с армянским контекстом и живя в Лондоне, как сегодня формируется твоя собственная идентичность в этом движении между странами и культурами?

— Если говорить о себе, то сейчас я, наверное, ощущаю себя

армянином и татарином, родившимся в Москве, но живущим в Лондоне. Такая смешанная идентичность. И я вижу, что для многих — не только для меня — это постоянный внутренний поиск. Мы не до конца понимаем собственную траекторию. Это очень сложная тема. Идентичности часто описываются примитивно, будто человек может быть «кем-то одним». А на деле все иначе. Когда я во Франции — я «человек из Лондона», когда в Армении — я москвич, наполовину армянин, наполовину татарин. Все время происходит смещение, переход из одного состояния в другое. У меня нет однозначного ответа на вопрос «кто я», но, наверное, именно этот поиск и формирует меня. Это процесс, который постоянно меняет.

Владимир Кочарян